

Спорт в жизни
великих

Репортер из «Геркулеса»

Вет. клуб - 1995 - 25 нояб. - с. 6

Пятьдесят восемь лет назад на перрон Белорусского вокзала в Москве сошел пожилой человек, известный русский писатель, автор "Поединка" и "Гранатового браслета" Александр Иванович Куприн. Он возвратился на родину после длительной эмиграции. Куприн для многих современников был не только писателем, но и спортивным судьей, цирковым борцом. "Жизнелюб и бродяга", какие только профессии он не перепробовал: был управляющим при постройке дома, разводил табак в Волынской губернии, изучал зубо врачебное искусство, давал уроки детям, пробовал постричься в монахи, заведовал кузницей. Но, пожалуй, особой страстью Куприна было спортивное репортерство. Он многие годы сотрудничал в журнале "Геркулес", рассказывал читателям о боксерских поединках, авиационных рекордах, акробатике, водолазном деле, гимнастике, гребле, лапте, не оставляя без внимания парусный спорт, плавание, стрельбу, тяжелую атлетику, фехтование. Куприн и сам всю жизнь увлеченно занимался спортом. Проследим некоторые вехи его спортивного пути.

Во время полетов Уточкина борец Иван Заикин зажегся мыслью попробовать себя в роли пилота. Куприн сгоряча взял с него слово, что будет первым пассажиром, кого Заикин поднимет в небо. Сказал и забыл. А Заикин через год на аэродроме подходит к Куприну и заявляет: "Ну что, Лександер Иванович, полетели?" Куприну ничего не оставалось, как сесть в кабину. В тот раз они чуть не погибли: аэроплан потерял управление и врезался в землю. Но пилот и пассажир на удивление отделались весьма легко: Куприн травм не получил, а Заикин лишь на несколько секунд потерял сознание.

Куприн поднимался над Одессой и на воздушном шаре, управляемом Уточкиным. Перед полетом поэт Федоров вручил ему шуточную эпиграмму:

**Спустился ты на дно морское
Поднялся ты под облака
Из четырех стихий в покое
Лишь огонь оставил ты пока.**

Куприн действительно был одним из первых энтузиастов подводного плавания: писал о нем и изучал под руководством водолаза Дюжаева, несколько раз спускаясь "на дно морское".

Писателя влекло море: "Трепещет и хлопает парус. Журчит вода. Пена плещется через борт. Баркас живет всем телом. Он одушевлен". А вот моторные лодки, появившиеся в 20—30-е годы, ему не нравились. Он считал, что с моторами исчезла морская поэзия.

В "Синем журнале" за 1913 год Куприн пропагандирует стрелковый спорт, называя его благородным, требующим зоркости, терпения, находчивости. Он пишет: "Если бы спросили моего совета, я стал бы насаждать стрелковый спорт в гимназиях".

Любил он и гимнастику. Марина Карлова Куприна-Иорданская вспоминает: "Както летом мы отдыхали в Крыму. Не успели приехать, как через два дня плотники принесли странное деревянное сооружение. "Это параллельные брусья для гимнастики, — объяснил мне Александр Иванович. — Вот выровняем площадку, и тогда я покажу, сколько прекрасных упражнений можно на

них проделать".

Работая над повестью о конных бегах, Куприн не раз бывал на ипподроме, который располагался рядом с Кабинетной улицей. А себя Куприн сравнивал с литературной лошадью, рассчитанной на длинные дистанции: "Короткая мне не нужна. Пускай бегут, обгоняют. Я свое возьму... моя дистанция длинная".

Почему самый первый в России чемпионат по конькам был проведен в Москве? Ответ дает роман Куприна "Юнкера", где дан портрет конькобежца, преподавателя Александровского училища Постникова. Оказывается, в Москве бегали все от мала до велика, "в сто раз хлеще, чем в Питере". Вход на каток был не бесплатный — стоил 10 копеек. Первый турнир состоялся в феврале 1889 года на катке яхт-клуба.

Чемпион России по конькам Никита Найденов вспоминал, что однажды Александр Куприн и Корней Чуковский сильно удивили его. "Было это в марте 1913 года. Мы воз-

вращались с чемпионата мира в Хельсинки, где заняли второе место в многоборье. После соревнований в Финляндии познакомился с писателями, и Куприн заявил, что скорость у нас на коньках больно маленькая, не то что у них! Оказывается, Чуковский научил Куприна кататься по ослепительно сверкающему льду залива под парусом! Парус натягивался на длинные бамбуковые палки, связанные бечевкой крест-накрест, между ними — перекаладина, за которую хватался спортсмен, приладив парус у себя за спиной".

Куприн обожал бокс. Говорил, что это не кровавая драка, а вдохновенный поединок. Рассказ Куприна "В цирке" о трагической судьбе боксера Арбузова был высоко оценен Львом Толстым. "Кланяйтесь ему от меня и скажите, чтобы он ради Бога не слушался критиков. У него настоящий, искрометный талант", — говорил Лев Николаевич биографу Сергеенко.

На страницах десятого номера журнала "Геркулес" за 1913 год была напечатана статья "Атлетика в Киеве". Там рассказывается о кружке князя Белого-Погорельского, где занимался Куприн, "считавшийся лучшим тяжелоатлетом и борцом". Интересная была в то время штанга: в шары насыпали карточку.

Однажды Куприну пришлось драться. Поздно вечером в Киеве он возвращался домой. На одном из перекрестков из-за угла выскочил рослый детина и потребовал деньги, часы и пальто. С первыми двумя вещами Куприн расстаться был готов, но своим единственным пальто он дорожил. Испытанным боксерским приемом Куприн ударил незнакомца в челюсть, потом в переносицу, третьим ударом под ложечку. Прошло всего три секунды, а налетчик уже вопил благим матом.

Куприн любил простор лесов, буйство трав. В 1925 году он писал Куприной-Иорданской: "Если бы мне дали пост заведующего лесами Советской республики, я бы мог оказаться на месте".

Как видим, "жизнелюб и бродяга" Александр Куприн участвовал в самых отчаянных мероприятиях. И предпринимал он их по зову души.

Анатолий ЮСИН.